

Душеполезное чтение для детей

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА

Известные и редкие, без сокращений

6+

Душеполезное чтение для детей

Ганс Андерсен

**Сказки Андерсена. Известные и
редкие, без сокращений (сборник)**

«Никея»

УДК 821.113.4-34
ББК 84(4Дан)-44 + 86.372

Андерсен Г. Х.

Сказки Андерсена. Известные и редкие, без сокращений (сборник)
/ Г. Х. Андерсен — «Никея», — (Душеполезное чтение для
детей)

ISBN 978-5-91761-899-9

Сказки Андерсена пронизаны христианскими смыслами, ведь писатель был глубоко верующим человеком. Поэтому долгое время сказки подвергались сокращению, а некоторые из них и вовсе не печатались. В эту книгу включены полные тексты сказок в классическом переводе и с прекрасными иллюстрациями. Эти сказочные истории станут благодатным чтением для всей семьи – ведь сказки любят не только маленькие дети! – и научат ребенка главным христианским добродетелям: чести, достоинству, честности, благородству, смелости, уважению, любви к ближнему и доброте.

УДК 821.113.4-34
ББК 84(4Дан)-44 + 86.372

ISBN 978-5-91761-899-9

© Андерсен Г. Х.
© Никея

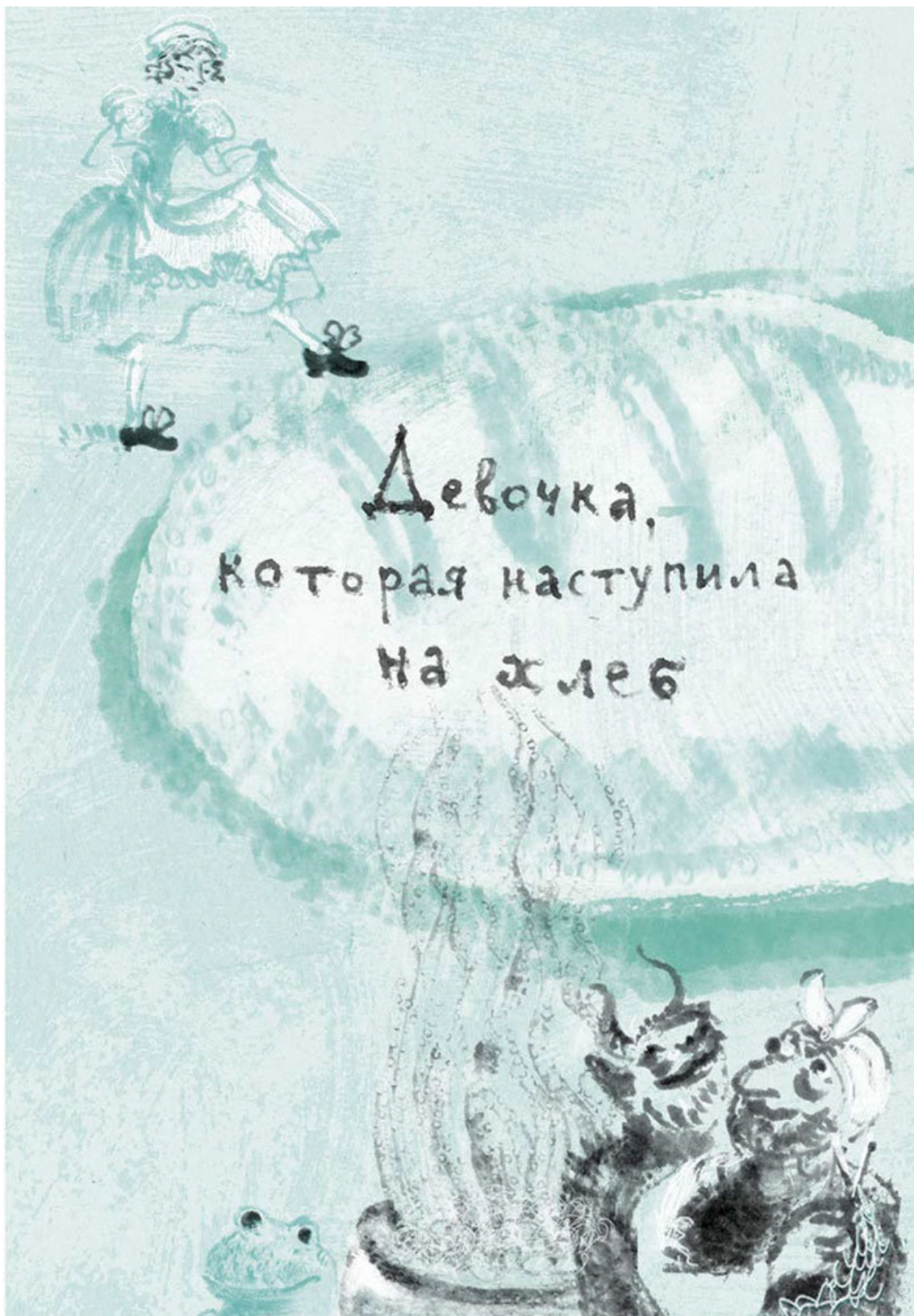
Содержание

Девочка, которая наступила на хлеб	6
Дочь болотного царя	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ганс Христиан Андерсен
Сказки Андерсена. Известные
и редкие, без сокращений

© Состав., иллюстрации. ООО ТД «Никея», 2018

Девочка, которая наступила на хлеб

Вы, конечно, слышали о девочке, которая наступила на хлеб, чтобы не запачкать башмачков, слышали и о том, как плохо ей потом пришлось. Об этом и написано, и напечатано.

Она была бедная, но гордая и спесивая девочка. В ней, как говорится, были дурные задатки. Крошкой она любила ловить мух и обрывать у них крылышки; ей нравилось, что мухи из летающих насекомых превращались в ползающих. Ловила она также майских и навозных жуков, насаживала их на булавки и подставляла им под ножки зелёный листик или клочок

бумаги. Бедное насекомое хватывалось ножками за бумагу, вертелось и изгибалось, стараясь освободиться от булавки, а Инге смеялась:

– Майский жук читает! Ишь как переворачивает листок!

С годами она становилась скорее хуже, чем лучше; к несчастью своему, она была прехорошенькая, и ей хоть и доставались щелчки, да всё не такие, какие следовало.

– Крепкий нужен щелчок для этой головы! – говаривала её родная мать. – Ребёнком ты часто топтала мой передник, боюсь, что вырастешь и растопчешь мне сердце!

Так оно и вышло.

Инге поступила в услужение к знатным господам, в помещичий дом. Господа обращались с нею, как со своей родной дочерью, и в новых нарядах Инге, казалось, ещё похорошела, зато и спесь её всё росла да росла.

Целый год прожила она у хозяев, и вот они сказали ей:

– Ты бы навестила своих стариков, Инге!

Инге отправилась, но только для того, чтобы показаться родным в полном своём параде. Она уже дошла до околицы родной деревни, да вдруг увидала, что около пруда стоят и болтают девушки и парни, а неподалёку на камне отдыхает её мать с охапкой хвороста, собранного в лесу. Инге – марш назад: ей стало стыдно, что у неё, такой нарядной барышни, такая оборванная мать, которая вдобавок сама таскает из лесу хворост. Инге даже не пожалела, что не повидалась с родителями, ей только досадно было.

Прошло ещё полгода.

– Надо тебе навестить своих стариков, Инге! – опять сказала ей госпожа. – Вот тебе белый хлеб, снеси его им. То-то они обрадуются тебе!

Инге нарядилась в самое лучшее платье, надела новые башмаки, приподняла платице и осторожно пошла по дороге, стараясь не запачкать башмачков, – ну, за это и упрекать её нечего. Но вот тропинка свернула на болотистую почву; приходилось пройти по грязной луже. Недолго думая, Инге бросила в лужу свой хлеб, чтобы наступить на него и перейти лужу, не замочив ног. Но едва она ступила на хлеб одной ногой, а другую приподняла, собираясь шагнуть на сухое место, хлеб начал погружаться с нею всё глубже и глубже в землю – только чёрные пузыри пошли по луже!

Вот какая история!

Куда же попала Инге? К болотнице в пивоварню. Болотница приходится тёткой лешим и лесным девам; эти-то всем известны: про них и в книгах написано, и песни сложены, и на картинах их изображали не раз, о болотнице же известно очень мало; только когда летом над лугами подымается туман, люди говорят, что «болотница пиво варит!». Так вот, к ней-то в пивоварню и провалилась Инге, а тут долго не выдержишь!.. От каждого чана разит так, что человека тошнит, а таких чанов тут видимо-невидимо, и стоят они плотно-плотно один возле другого; если же между некоторыми и отыщется где щёлочка, то тут сейчас наткнёшься на съевшихся в комок мокрых жаб и жирных лягушек. Да, вот куда попала Инге! Очутившись среди этого холодного, липкого, отвратительного живого месива, Инге задрожала и почувствовала, что её тело начинает коченеть. Хлеб крепко прильнул к её ногам и тянул её за собою, как янтарный шарик соломинку.

Болотница была дома; пивоварню посетили в этот день гости: чёрт и его прабабушка, ядовитая старушка. Она никогда не бывает праздною, даже в гости берёт с собою какое-нибудь рукоделье: или шьёт из кожи башмаки, надев которые человек делается непоседой, или вышивает сплетни, или, наконец, вяжет необдуманные слова, срывающиеся у людей с языка, – всё во вред и на пагубу людям! Да, чёртова прабабушка – мастерица шить, вышивать и вязать!

Она увидала Инге, поправила очки, посмотрела на неё ещё и сказала:

– Да она с задатками! Я попрошу вас уступить её мне в память сегодняшнего посещения! Из неё выйдет отличный истукан для передней моего правнука!

Болотница уступила ей Инге, и девочка попала в ад – люди с задатками могут попасть туда и не прямым путём, а окольным!

Передняя занимала бесконечное пространство; поглядеть вперёд – голова закружится, оглянуться назад – тоже. Вся передняя была запружена изнемогающими грешниками, ожидавшими, что вот-вот двери милосердия отворятся. Долгонько приходилось им ждать! Большие, жирные, переваливающиеся с боку на бок пауки оплели их ноги тысячеклеточной паутиной; она сжимала их, точно клещами, сковывала крепче медных цепей. Кроме того, души грешников терзались вечной мучительной тревогой. Скупой, например, терзался тем, что оставил ключ в замке своего денежного ящика, другие... да и конца не будет, если примемся перечислять терзания и муки всех грешников!

Инге пришлось испытать весь ужас положения истукана; ноги её были словно привинчены к хлебу.

«Вот и будь опрятной! Мне не хотелось запачкать башмаков, и вот каково мне теперь! – говорила она самой себе. – Ишь, таращатся на меня!» Действительно, все грешники глядели на неё; дурные страсти так и светились в их глазах, говоривших без слов; ужас брал при одном взгляде на них!

«Ну, на меня-то приятно и посмотреть! – думала Инге. – Я и сама хорошенькая, и одета нарядно!» И она повела на себя глазами – шея у неё не ворочалась. Ах, как она выпачкалась в пивоварне болотницы! Об этом она и не подумала! Платье её всё сплошь было покрыто слизью, уж вцепился ей в волосы и хлопал её по шее, а из каждой складки платья выглядывали жабы, лаявшие, точно жирные охрипшие моськи. Страсть, как было неприятно! «Ну, да и другие-то здесь выглядят не лучше моего!» – утешала себя Инге.

Хуже же всего было чувство страшного голода. Неужели ей нельзя нагнуться и отломить кусочек хлеба, на котором она стоит? Нет, спина не сгибалась, руки и ноги не двигались, она вся будто окаменела и могла только водить глазами во все стороны, кругом, даже выворачивать их из орбит и глядеть назад. Фу, как это выходило гадко! И вдобавок ко всему этому явились мухи и начали ползать по её глазам взад и вперёд; она моргала глазами, но мухи не улетали – крылья у них были общипаны, и они могли только ползать. Вот была мука! А тут ещё этот голод! Под конец Инге стало казаться, что внутренности её пожрали самих себя, и внутри у неё стало пусто, ужасно пусто!

– Ну, если это будет продолжаться долго, я не выдержу! – сказала Инге, но выдержать ей пришлось: перемены не наступало.

Вдруг на голову ей капнула горячая слеза, скатилась по лицу на грудь и потом на хлеб; за нею другая, третья, целый град слёз. Кто же мог плакать об Инге?

А разве у неё не оставалось на земле матери? Горькие слёзы матери, проливаемые ею из-за своего ребёнка, всегда доходят до него, но не освобождают его, а только жгут, увеличивая его муки. Ужасный, нестерпимый голод был, однако, хуже всего! Топтать хлеб ногами и не быть в состоянии отломить от него хоть кусочек! Ей казалось, что всё внутри её пожрало само себя и она стала тонкой, пустой тростинкой, втягивавшей в себя каждый звук. Она явственно слышала всё, что говорили о ней там, наверху, а говорили-то одно дурное. Даже мать её, хоть и горько, искренно оплакивала её, всё-таки повторяла: «Спесь до добра не доводит! Спесь и сгубила тебя, Инге! Как ты огорчила меня!»

И мать Инге, и все там, наверху, уже знали о её грехе, знали, что она наступила на хлеб и провалилась сквозь землю. Один пастух видел всё это с холма и рассказал другим.

– Как ты огорчила свою мать, Инге! – повторяла мать. – Да я другого и не ждала!

«Лучше бы мне и не родиться на свет! – думала Инге. – Какой толк из того, что мать теперь хнычет обо мне!»

Слышала она и слова своих господ, почтенных людей, обращавшихся с нею, как с дочерью: «Она большая грешница! Она не чтит даров Господних, попирает их ногами! Не скоро откроются для неё двери милосердия!»

«Воспитывали бы меня получше, поостроже! – думала Инге. – Выгоняли бы из меня пороки, если они во мне сидели!»

Слышала она и песню, которую сложили о ней люди, песню о спесивой девочке, наступившей на хлеб, чтобы не запачкать башмаков. Все распевали её.

«Как подумаю, чего мне ни пришлось выслушать и выстрадать за мою провинность! – думала Инге. – Пусть бы и другие поплатились за свои! А скольким бы пришлось! У, как я терзаюсь!»

И душа Инге становилась ещё грубее, жёстче её оболочки.

– В таком обществе, как здесь, лучше не станешь! Да я и не хочу! Ишь, тарачатся на меня! – говорила она и вконец ожесточилась и озлобилась на всех людей. – Обрадовались, нашли теперь, о чём галдеть! У, как я терзаюсь!

Слышала она также, как историю её рассказывали детям, и малютки называли её безбожницей.

– Она такая гадкая! Пусть теперь помучается хорошенько! – говорили дети.

Только одно дурное слышала о себе Инге из детских уст. Но вот раз, терзаясь от голода и злобы, слышит она опять своё имя и свою историю. Её рассказывали одной невинной, маленькой девочке, и малютка вдруг залилась слезами о спесивой, суетной Инге.

– И неужели она никогда не вернётся сюда, наверх? – спросила малютка.

– Никогда! – ответили ей.

– А если она попросит прощения, обещает никогда больше так не делать?

– Да она вовсе не хочет просить прощения!

– Ах, как бы мне хотелось, чтобы она попросила прощения! – сказала девочка и долго не могла утешиться. – Я бы отдала свой кукольный домик, только бы ей позволили вернуться на землю! Бедная, бедная Инге!

Слова эти дошли до сердца Инге, и ей стало как будто полегче: в первый раз нашлась живая душа, которая сказала: «Бедная Инге!» – и не прибавила ни слова о её грехе. Маленькая, невинная девочка плакала и просила за неё!.. Какое-то странное чувство охватило душу Инге; она бы, кажется, заплакала сама, да не могла, и это было новым мучением.

На земле годы летели стрелою, под землёю же всё оставалось по-прежнему. Инге слышала своё имя всё реже и реже – на земле вспоминали о ней всё меньше и меньше. Но однажды долетел до неё вздох:

«Инге! Инге! Как ты огорчила меня! Я всегда это предвидела!» Это умирала мать Инге.

Слышала она иногда своё имя и из уст старых хозяев.

Хозяйка, впрочем, выражалась всегда смиренно: «Может быть, мы ещё свидимся с тобою, Инге! Никто не знает, куда попадёт!»

Но Инге-то знала, что её почтенной госпоже не попасть туда, куда попала она.

Медленно, мучительно медленно ползло время.

И вот Инге опять услышала своё имя и увидела, как над нею блеснули две яркие звёздочки: это закрылась на земле пара кротких очей. Прошло уже много лет с тех пор, как маленькая девочка неутешно плакала о «бедной Инге»: малютка успела вырасти, состариться и была отозвана Господом Богом к Себе. В последнюю минуту, когда в душе вспыхивают ярким светом воспоминания целой жизни, вспомнились умирающей и её горькие слёзы об Инге, да так живо, что она невольно воскликнула:

«Господи, может быть, и я, как Инге, сама того не ведая, попираю ногами Твои всеблагие дары, может быть, и моя душа была заражена спесью, и только Твоё милосердие не дало мне пасть ниже, но поддержало меня! Не оставь же меня в последний мой час!»

И телесные очи умирающей закрылись, а духовные отверзлись, и так как Инге была её последней мыслью, то она и узрела своим духовным взором то, что было скрыто от земного – увидела, как низко пала Инге. При этом зрелище благочестивая душа залилась слезами и явилась к Престолу Царя Небесного, плача и молясь о грешной душе так же искренно, как плакала ребёнком. Эти рыдания и мольбы отдались эхом в пустой оболочке, заключавшей в себе терзающуюся душу, и душа Инге была как бы подавлена этой неожиданной любовью к ней на небе. Божий ангел плакал о ней! Чем она заслужила это?

Измученная душа оглянулась на всю свою жизнь, на всё содеянное ею и залилась слезами, каких никогда не знавала Инге. Жалость к самой себе наполнила её: ей казалось, что двери милосердия останутся для неё закрытыми на веки вечные! И вот, едва она с сокрушением сознала это, в подземную пропасть проник луч света, сильнее солнечного, который растопляет снежного истукана, слепого на дворе мальчуганами, и быстрее, чем тает на тёплых губках ребёнка снежинка, растаяла окаменелая оболочка Инге. Маленькая птичка молнией взвилась из глубины на волю. Но, очутившись среди белого света, она съёжилась от страха и стыда – она всех боялась, стыдилась и поспешно спряталась в тёмную трещину в какой-то полуразрушившейся стене. Тут она и сидела, съёжившись, дрожа всем телом, не издавая ни звука, – у неё и не было голоса.

Долго сидела она так, прежде чем осмелилась оглядеться и полюбоваться великолепием Божьего мира. Да, великолепен был Божий мир! Воздух был свеж и мягок, ярко сиял месяц, деревья и кусты благоухали; в уголке, где укрылась птичка, было так уютно, а платьице на ней было такое чистенькое, нарядное. Какая любовь, какая красота были разлиты в Божьем мире! И все мысли, что шевелились в груди птички, готовы были вылиться в песне, но птичка не могла петь, как ей ни хотелось этого; не могла она ни прокуковать, как кукушка, ни защёлкать, как соловей! Но Господь слышит даже немую хвалу червяка и услышал и эту безгласную хвалу, что мысленно неслась к небу, как псалом, звучавший в груди Давида, прежде чем он нашёл для него слова и мелодию.

Немая хвала птички росла день ото дня и только ждала случая вылиться в добром деле.

Настал сочельник. Крестьянин поставил у забора шест и привязал к верхушке его необмоченный сноп овса – пусть и птички весело справят праздник Рождества Спасителя!

В рождественское утро встало солнышко и осветило сноп; живо налетели на угощение щебетуны-птички. Из расщелины в стене тоже раздалось: «Пи! пи!» Мысль вылилась в звуке, слабый писк был настоящим гимном радости: мысль готовилась воплотиться в добром деле, и птичка вылетела из своего убежища. На небе знали, что это была за птичка.

Зима стояла суровая, воды были скованы толстым льдом, для птиц и зверей лесных наступили трудные времена. Маленькая пташка летала над дорогой, отыскивая и находя в снежных бороздах, проведённых санями, зёрнышки, а возле стоянок для кормёжки лошадей – крошки хлеба; но сама она съедала всегда только одно зёрнышко, одну крошку, а затем сзывала кормиться других голодных воробышков. Летала она и в города, осматривалась кругом и, увидев накрошенные из окна милосердной рукой кусочки хлеба, тоже съедала лишь один, а всё остальное отдавала другим.

В течение зимы птичка собрала и раздала такое количество хлебных крошек, что все они вместе весили столько же, сколько хлеб, на который наступила Инге, чтобы не запачкать башмаков. И когда была найдена и отдана последняя крошка, серые крылья птички превратились в белые и широко распустились.

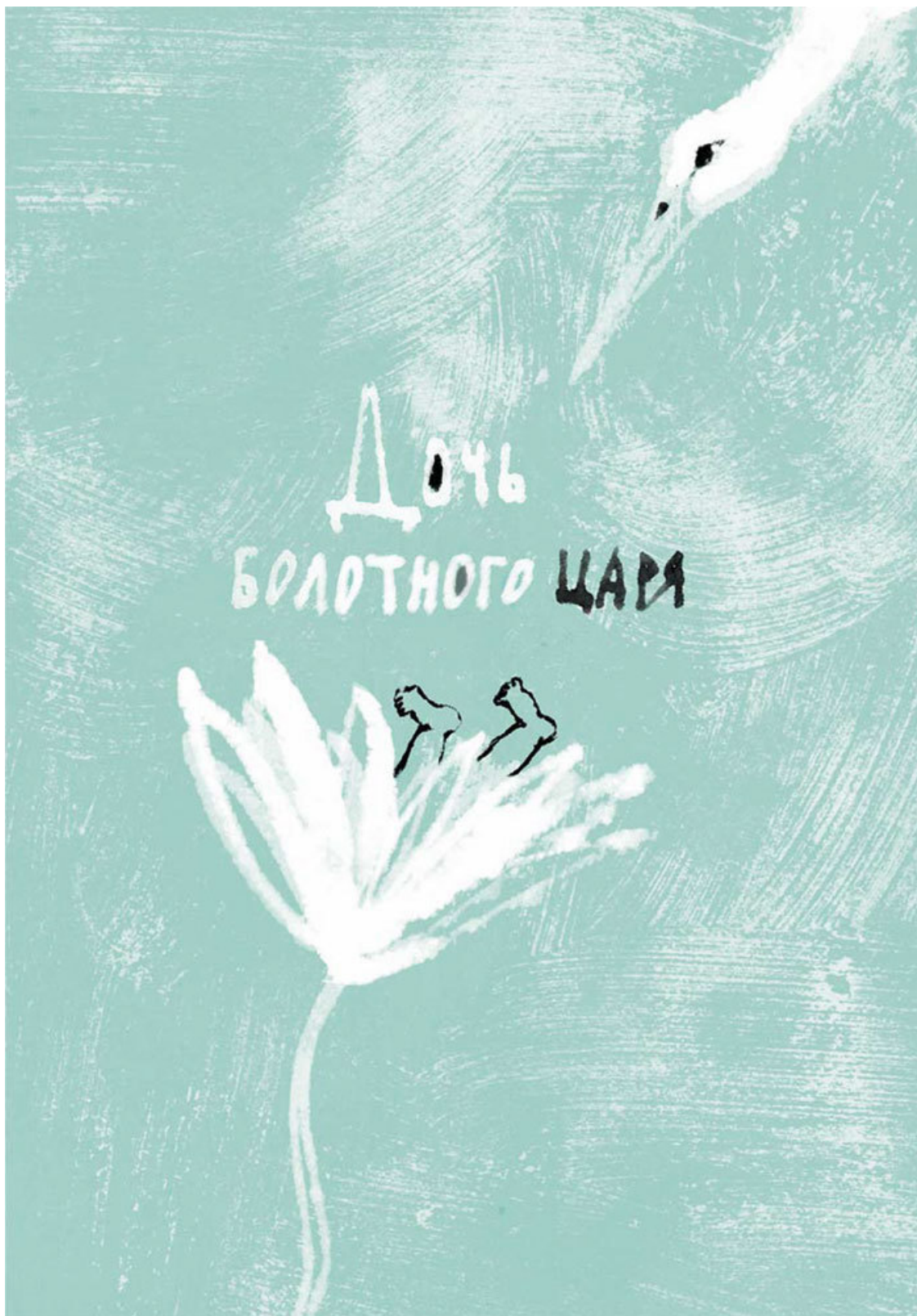
– Вон летит морская ласточка! – сказали дети, увидав белую птичку.

Птичка то ныряла в волны, то взвивалась навстречу солнечным лучам – и вдруг исчезла в этом сиянии. Никто не видел, куда она делась.

– Она улетела на солнышко! – сказали дети.

Дочь болотного царя

Много сказок рассказывают аисты своим птенцам – всё про болота да про трясины. Сказки, конечно, приравниваются к возрасту и понятиям птенцов. Малышам довольно сказать «крибле, крабле, плурре-мурре», – для них и это куда как забавно; но птенцы постарше требуют от сказки кое-чего побольше, по крайней мере того, чтобы в ней упоминалось об их собственной семье. Одну из самых длинных и старых сказок, известных у аистов, знаем и мы все. В ней рассказывается о Моисее, которого мать пустила в корзинке по волнам Нила, а дочь

фараона нашла и воспитала. Впоследствии он стал великим человеком, но где похоронен – никому не известно. Так оно, впрочем, сплошь да рядом бывает.

Другой сказки никто не знает, может быть, именно потому, что она родилась у нас, здесь. Вот уже с тысячу лет, как она переходит из уст в уста, от одной аистихи-мамаши к другой, и каждая аистиха рассказывает её всё лучше и лучше, а мы теперь расскажем лучше их всех!

Первая пара аистов, пустившая эту сказку в ход и сама принимавшая участие в описываемых в ней событиях, всегда проводила лето на даче в Дании, близ Дикого болота, в Венсюзеле, то есть в округе Иеринг, на севере Ютландии – если уж говорить точно. Гнездо аистов находилось на крыше бревенчатого дома викинга. В той местности и до сих пор ещё есть огромное болото; о нём можно даже прочесть в официальном описании округа.

Местность эта – говорится в нём – была некогда морским дном, но потом дно поднялось; теперь это несколько квадратных миль топких лугов, трясин и торфяных болот, поросших морошкой да жалким кустарником и деревцами.

Над всей местностью почти постоянно клубится густой туман. Лет семь – десять тому назад тут ещё водились волки – Дикое болото вполне заслуживало своё прозвище! Представьте же себе, что было тут тысячу лет тому назад! Конечно, и в те времена многое выглядело так же, как и теперь: зелёный тростник с тёмно-лиловыми султанчиками был таким же высоким, кора на берёзках так же белела, а мелкие их листочки так же трепетали; что же до живности, встречавшейся здесь, так мухи и тогда щеголяли в прозрачных платьях того же фасона, любимыми цветами аистов были, как и теперь, белый с чёрным, чулки они носили такие же красные, только у людей в те времена моды были другие. Но каждый человек, кто бы он ни был, раб или охотник, мог проваливаться в трясину и тысячу лет тому назад, так же как теперь: ведь стоит только ступить на зыбкую почву ногой – и конец, живо очутишься во владениях болотного царя! Его можно было бы назвать и трясинным царём, но болотный царь звучит как-то лучше. К тому же и аисты его так величали. О правлении болотного царя мало что и кому известно, да оно и лучше, пожалуй.

Недалеко от болота, над самым Лим-фиордом, возвышался бревенчатый замок викинга, в три этажа, с башнями и каменными подвалами. На крыше его свили себе гнездо аисты. Аистиха сидела на яйцах в полной уверенности, что сидит не напрасно!

Раз вечером сам аист где-то замешкался и вернулся в гнездо совсем взъерошенный и взволнованный.

– Что я расскажу тебе! Один ужас! – сказал он аистихе.

– Ах, перестань, пожалуйста! – ответила она. – Не забывай, что я сижу на яйцах и могу испугаться, а это отразится на них!

– Нет, ты послушай! Она таки явилась сюда, дочка-то нашего египетского хозяина! Не побоялась такого путешествия! А теперь и поминай её как звали!

– Что? Принцесса, египетская принцесса? Да они ведь из рода фей! Ну, говори же! Ты знаешь, как вредно заставляешь меня ждать, когда я сижу на яйцах!

– Видишь, она, значит, поверила докторам, которые сказали, что болотный цветок исцелит её больного отца, – помнишь, ты сама рассказывала мне? – и прилетела сюда, в одежде из перьев, вместе с двумя другими принцессами. Эти каждый год прилетают на север купаться, чтобы помолодеть! Ну, прилететь-то она прилетела, да и тю-тю!

– Ах, как ты тянешь! – сказала аистиха. – Ведь яйца могут остыть! Мне вредно так волноваться!

– Я видел всё собственными глазами! – продолжал аист. – Сегодня вечером хожу это я в тростнике, где трясина понадёжнее, смотрю – летят три лебёдки. Но видна птица по полёту! Я сейчас же сказал себе: гляди в оба, это не настоящие лебёдки, они только нарядились в перья! Ты ведь такая же чуткая, мать! Тоже сразу видишь, в чём дело!

– Это верно! – сказала аистиха. – Ну, рассказывай же про принцессу, мне уж надоели твои перья!

– Посреди болота, ты знаешь, есть что-то вроде небольшого озера. Приподымись чуточку, и ты отсюда увидишь крашек его! Там-то, на поросшей тростником трясине, лежал большой ольховый пенёк. Лебёдки уселись на него, захлопали крыльями и огляделись кругом; потом одна из них сбросила с себя лебединые перья, и я узнал нашу египетскую принцессу. Платья на ней никакого не было, но длинные чёрные волосы одели её, как плащом. Я слышал, как она просила подруг присмотреть за её перьями, пока она не вынырнет с цветком, который померещился ей под водою. Те пообещали, схватили её оперение в клювы и взвились с ним в воздух. «Эге! Куда же это они?» – подумал я. Должно быть, и она спросила их о том же. Ответ был яснее ясного. Они взвились в воздух и крикнули ей сверху: «Ныряй, ныряй! Не летать тебе больше лебёдкой! Не видать родины! Сиди в болоте!» – и расщипали перья в клочки! Пушинки так и запорхали в воздухе, словно снежинки, а скверных принцесс и след простыл!

– Какой ужас! – сказала аистиха. – Сил нет слушать!.. Ну а что же дальше-то?

– Принцесса принялась плакать и убиваться! Слёзы так и бежали ручьями на ольховый пенёк, и вдруг он зашевелился! Это был сам болотный царь – тот, что живёт в трясине. Я видел, как пенёк повернулся, глядь – уж это не пенёк! Он протянул свои длинные, покрытые тиной ветви-руки к принцессе. Бедняжка перепугалась, спрыгнула и пустилась бежать по трясине. Да где! Мне не сделать по ней двух шагов, не то что ей! Она сейчас же провалилась вниз, а за ней и болотный царь. Он-то и втянул её туда! Только пузыри пошли по воде, и – всё! Теперь принцесса похоронена в болоте. Не вернуться ей с цветком на родину. Ах, ты бы не вынесла такого зрелища, жёнушка!

– Тебе бы и не следовало рассказывать мне такие истории! Ведь это может повлиять на яйца!.. А принцесса выпутается из беды! Её-то уж выручат! Вот случись что-нибудь такое со мной, с тобой или с кем-нибудь из наших, тогда бы – пиши пропало!

– Я всё-таки буду настоroje! – сказал аист и так и сделал.

Прошло много времени.

Вдруг в один прекрасный день аист увидел, что со дна болота тянется кверху длинный зелёный стебелёк; потом на поверхности воды оказался листочек; он рос, становился всё шире и шире. Затем выглянул из воды бутон, и, когда аист пролетел над болотом, он под лучами солнца распустился, и аист увидел в чашечке цветка крошечную девочку, словно сейчас только вынутую из ванночки. Девочка была так похожа на египетскую принцессу, что аист сначала подумал, будто это принцесса, которая опять стала маленькою, но, рассудив хорошенько, решил, что, вернее, это дочка египетской принцессы и болотного царя. Вот почему она и лежит в кувшинке.

«Нельзя же ей тут оставаться! – подумал аист. – А в нашем гнезде нас и без того много! Постой, придумал! У жены викинга нет детей, а она часто говорила, что ей хочется иметь малютку... Меня всё равно обвиняют, что я приношу в дом ребятишек, так вот я и взаправду притащу эту девочку жене викинга, то-то обрадуется!»

И аист взял малютку, полетел к дому викинга, проткнул в оконном пузыре клювом отверстие, положил ребёнка возле жены викинга, а потом вернулся в гнездо и рассказал обо всём жене. Птенцы тоже слушали – они уже подросли.

– Вот видишь, принцесса-то не умерла – прислала сюда свою дочку, а я её пристроил! – закончил свой рассказ аист.

– А что я твердила тебе с первого же раза? – отвечала аистиха. – Теперь, пожалуй, подумай и о своих детях! Отлёт-то ведь на носу! У меня даже под крыльями чесаться начинает. Кукушки и соловьи уже улетели, а перепёлки поговаривают, что скоро начнёт дуть попутный ветер. Птенцы наши постоят за себя на манёврах, уж я-то их знаю!

И обрадовалась же супруга викинга, найдя утром у своей груди крошечную прелестную девочку! Она принялась целовать и ласкать малютку, но та стала кричать и отбиваться ручонками и ножонками; ласки, видимо, были ей не по вкусу. Наплакавшись и накричавшись, она наконец уснула, и тогда нельзя было не залюбоваться прелестным ребёнком! Жена викинга не помнила себя от радости; на душе у неё стало так легко и весело, – ей пришло на ум, что и супруг её с дружиной явится так же неожиданно, как малютка! И вот она поставила на ноги весь дом, чтобы успеть приготовиться к приёму желанных гостей. По стенам развешали ковры собственной её работы и работы её служанок, затканые изображениями тогдашних богов Одина, Тора и Фрейи. Рабы чистили старые щиты и тоже украшали ими стены; по скамьям были разложены мягкие подушки, а на очаг, находившийся посреди главного покоя, навалили груды сухих поленьев, чтобы сейчас же можно было развести огонь. Под вечер жена викинга так устала от всех этих хлопот, что уснула как убитая.

Проснувшись рано утром, ещё до восхода солнца, она страшно перепугалась: девочка её исчезла! Она вскочила, засветила лучину и осмотрелась: в ногах постели лежала не малютка, а большая отвратительная жаба. Жена викинга в порыве отвращения схватила тяжёлый железный дверной болт и хотела убить жабу, но та устремила на неё такой странный, скорбный взгляд, что она не решилась её ударить, ещё раз осмотрелась она кругом; жаба испустила тихий стон; тогда жена викинга отскочила от постели к отверстию, заменявшему окно, и распахнула деревянную ставню. В эту минуту как раз взошло солнце; лучи его упали на постель и на жабу... В то же мгновение широкий рот чудовища сузился, стал маленьким, хорошеньким ротиком, всё тело вытянулось и преобразилось – перед женой викинга очутилась её красавица дочка, жабы как не бывало.

– Что это? – сказала жена викинга. – Не злой ли сон приснился мне? Ведь тут лежит моё собственное дитя, мой эльф! – И она прижала девочку к сердцу, осыпая поцелуями, но та кусалась и вырывалась, как дикий котёнок.

Не в этот день и не на другой вернулся сам викинг, хотя и был уже на пути домой. Задержал его встречный ветер, который теперь помогал аистам, а им надо было лететь на юг. Да, ветер, попутный одному, может быть противным другому!

Прошло несколько дней, и жена викинга поняла, что над ребёнком тяготели злые чары. Днём девочка была прелестна, как эльф, но отличалась злым, необузданным нравом, а ночью становилась отвратительной жабой, но с кротким и грустным взглядом. В девочке как бы соединялись две натуры: днём ребёнок, подкинутый жене викинга аистом, наружностью был весь в мать, египетскую принцессу, а характером в отца; ночью же, наоборот, внешнею был похож на последнего, а в глазах светились душа и сердце матери. Кто мог снять с ребёнка злые чары? Жена викинга и горевала и боялась и всё-таки привязывалась к бедному созданию всё больше и больше. Она решила ничего не говорить о колдовстве мужу: тот, по тогдашнему обычаю, велел бы выбросить бедного ребёнка на проезжую дорогу – пусть берёт кто хочет. А жене викинга жаль было девочку, и она хотела устроить так, чтобы супруг её видел ребёнка только днём.

Однажды утром над замком викинга раздалось шумное хлопанье крыльев, – на крыше отдыхали ночью, после дневных манёвров, сотни пар аистов, а теперь все они взлетели на воздух, чтобы пуститься в дальний путь.

– Все мужья готовы! – прокричали они. – Жены с детьми тоже!

– Как нам легко! – говорили молодые аисты. – Так и щекочет у нас внутри, будто нас набили живыми лягушками! Мы отправляемся за границу! Вот счастье-то!

– Держитесь стаей! – говорили им отцы и матери. – Да не болтайте так много – вредно для груди!

И все полетели.

В ту же минуту над степью прокатился звук рога: викинг с дружиной пристал к берегу. Они вернулись с богатою добычей от берегов Галлии, где, как и в Британии, народ в ужасе молился: «Боже, храни нас от диких норманнов!»

Вот пошло веселье в замке викинга! В большой покой вкатили целую бочку мёда; запылал костёр, закололи лошадей, готовился пир на весь мир. Главный жрец окропил тёплой лошадиною кровью всех рабов. Сухие дрова затрещали, дым столбом повалил к потолку, с балок сыпалась на пирующих мелкая сажа, но к этому им было не привыкать стать. Гостей богато одарили; раздоры, вероломство – всё было забыто; мёд лился рекою; подвыпившие гости швыряли друг в друга обглоданными костями в знак хорошего расположения духа. Скальд, нечто вроде нашего певца и музыканта, но в то же время и воин, который сам участвовал в походе и потому знал, о чём поёт, пропел песню об одержанных ими в битвах славных победах. Каждый стих сопровождался припевом: «Имущество, родные, друзья, сам человек – всё минет, всё умрёт; не умирает одно славное имя!» Тут все принимались бить в щиты и стучать ножами или обглоданными костями по столу; стон стоял в воздухе. Жена викинга сидела на почётном месте, разодетая, в шёлковом платье; на руках её красовались золотые запястья, на шее – крупные янтари. Скальд не забывал прославить и её, воспел и сокровище, которое она только что подарила своему супругу. Последний был в восторге от прелестного ребёнка; он видел девочку только днём во всей её красе. Дикость её нрава тоже была ему по душе. Из неё выйдет, сказал он, смелая воительница, которая сумеет постоять за себя. Она и глазом не моргнёт, если опытная рука одним взмахом острого меча сбреет у неё в шутку густую бровь!

Бочка с мёдом опустела, вкатили новую, – в те времена люди умели пить! Правда, и тогда уже была известна поговорка: «Скотина знает, когда ей пора оставить пастбище и вернуться домой, а неразумный человек не знает своей меры!» Знать-то каждый знал, но ведь знать – одно, а применять знание к делу – другое. Знали все и другую поговорку: «И дорогой гость надоест, если засидится не в меру», и всё-таки сидели себе да сидели: мясо да мёд – славные вещи! Веселье так и кипело! Ночью рабы, растянувшись на тёплой золе, раскапывали жирную сажу и облизывали пальцы. То-то хорошее было времечко!

В этом же году викинг ещё раз отправился в поход, хотя и начались уже осенние бури. Но он собирался нагрянуть с дружиной на берега Британии, а туда ведь было рукой подать. «Только через море махнуть», – сказал он. Супруга его опять осталась дома одна с малюткою, и скоро безобразная жаба с кроткими глазами, испускавшая такие глубокие вздохи, стала ей почти милее дикой красавицы, отвечавшей на ласки царапинами и укусами.

Седой осенний туман, «беззубый дед», как его называют, всё-таки обгладывающий листву, окутал лес и степь. Беспёрые птички-снежинки густо запорхали в воздухе; зима глядела во двор. Воробьи завладели гнёздами аистов и судили да рядили о бывших владельцах. А где же были сами владельцы, где был наш аист со своей аистихой и птенцами?

Аисты были в Египте, где в это время солнышко светило и грело, как у нас летом. Тамаринды и акации стояли все в цвету; на куполах храмов сверкали полумесяцы; стройные минареты были облеплены аистами, отдохавшими после длинного перелёта. Гнёзда их лепились одно возле другого на величественных колоннах и полуразрушившихся арках заброшенных храмов. Финиковые пальмы высоко подымали свои верхушки, похожие на зонтики. Тёмными силуэтами рисовались сероватые пирамиды в прозрачном голубом воздухе пустыни, где щеголяли быстротою своих ног страусы, а лев посматривал большими умными глазами на мраморного сфинкса, наполовину погребённого в песке. Нил снова вошёл в берега, которые так и кишели лягушками, а уж приятнее этого зрелища для аистов и быть не могло. Молодые аисты даже глазам своим верить не хотели – уж больно хорошо было!

– Да, вот как тут хорошо, и всегда так бывает! – сказала аистиха, и у молодых аистов даже в брюшке защекотало.

– А больше мы уж ничего тут не увидим? – спрашивали они. – Мы разве не отправимся туда, вглубь, в самую глубь страны?

– Там нечего смотреть! – отвечала аистиха. – За этими благословенными берегами – лишь дремучий лес, где деревья растут чуть не друг на друге и опутаны ползучими растениями. Одни толстоногие слоны могут пролагать там себе дорогу. Змеи же там чересчур велики, а ящерицы – прытки. Если же вздумаете пробраться в пустыню, вам засыплет глаза песком, и это ещё будет хорошо, а то прямо попадёте в песочный вихрь! Нет, здесь куда лучше! Тут и лягушек, и саранчи вдоволь! Я останусь тут, и вы со мною!

Они и остались. Родители сидели в гнёздах на стройных минаретах, отдыхали, охорашивались, разглаживали себе перья и обтирали клювы о красные чулки. Покончив со своим туалетом, они вытягивали шеи, величественно раскланивались и гордо подымали голову с высоким лбом, покрытую тонкими глянцевитыми перьями; умные карие глаза их так и сверкали. Молоденькие барышни-аистихи степенно прохаживались в сочном тростнике, поглядывали на молодых аистов, знакомились и чуть не на каждом шагу глотали по лягушке, а иногда забирали в клюв змейку и ходили да помахивали ею, – это очень к ним шло, думали они, а уж вкусно-то как было!.. Молодые аисты заводили ссоры и раздоры, били друг друга крыльями, щипали клювами – даже до крови! Потом, глядишь, то тот, то другой из них становился женихом, а барышни одна за другою – невестами; все они для этого только ведь и жили. Молодые парочки принимались вить себе гнёзда, и тут опять не обходилось без ссор и драк – в жарких странах все становятся такими горячими, – ну а вообще-то жизнь текла очень приятно, и старики жили да радовались на молодых: молодежи всё к лицу! Изо дня в день светило солнышко, в еде недостатка не было, ешь – не хочу, живи да радуйся, вот и вся забота.

Но в роскошном дворце египетского хозяина, как звали его аисты, радостного было мало.

Могущественный владыка лежал в огромном покое с расписными стенами, похожими на лепестки тюльпана; руки, ноги его не слушались, он высох, как мумия. Родственники и слуги окружали его ложе. Мёртвым его ещё назвать было нельзя, но и живым тоже. Надежда на исцеление с помощью болотного цветка, за которым полетела на далёкий север та, что любила его больше всех, была теперь потеряна. Не дожидаться владыке своей юной красавицы дочери! «Она погибла!» – сказали две вернувшиеся на родину принцессы – лебёдки. Они даже сочинили о гибели своей подруги целую историю.

– Мы все три летели по воздуху, как вдруг заметил нас охотник и пустил стрелу. Она попала в нашу подружку, и бедная медленно, с прощальной лебединою песнью, опустилась на воды лесного озера. Там, на берегу, под душистой плакучей берёзой, мы и схоронили её. Но мы отомстили за её смерть: привязали к хвостам ласточек, живущих под крышей избушки охотника, пучки зажжённой соломы, – избушка сгорела, а с нею и сам хозяин её. Зарево пожара осветило противоположный берег озера, где росла плакучая берёзка, под которой покоилась в земле наша подруга. Да, не видать ей больше родимой земли!

И обе заплакали. Аист, услышав их речи, защёлкал от гнева клювом.

– Ложь, обман! – закричал он. – Ох, так бы и вонзил им в грудь свой клюв!

– Да и сломал бы его! – заметила аистиха. – Хорош бы ты был тогда! Думай-ка лучше о себе самом да о своём семействе, а всё остальное побоку!

– Я всё-таки хочу завтра усесться на краю открытого купола того покоя, где соберутся все учёные и мудрецы совещаться о больном. Может быть, они и доберутся до истины!

Учёные и мудрецы собрались и завели длинные разговоры, из которых аист не понял ни слова; да не много толку вышло из них и для самого больного, не говоря уже о его дочери. Но послушать речи учёных нам всё же не мешает, – мало ли что приходится слушать!

Вернее, впрочем, будет послушать и узнать кое-что из предыдущего, тогда мы поближе познакомимся со всею историей; во всяком случае, узнаем из неё не меньше аиста.

«Любовь – родоначальница жизни! Высшая любовь рождает и высшую жизнь! Лишь благодаря любви может больной возродиться к жизни!» Вот что изрекли мудрецы, когда дело шло об исцелении больного владыки; изречение было необыкновенно мудро и хорошо изложено – по уверению самих мудрецов.

– Мысль недурна! – сказал тогда же аист аистихе.

– А я что-то не возьму её в толк! – ответила та. – И уж конечно, это не моя вина, а её! А впрочем, меня всё это мало касается; у меня есть о чём подумать и без того!

Потом учёные принялись толковать о различных видах любви: любовь влюблённых отличается ведь от любви, которую чувствуют друг к другу родители и дети, или от любви растения к свету – например, солнечный луч целует тину, и из неё выходит росток. Речи их отличались такую глубиной и учёностью, что аист был не в силах даже следить за ними, не то чтобы пересказать их аистихе. Он совсем призадумался, прикрыл глаза и простоял так на одной ноге весь день. Учёность была ему не по плечу.

Зато аист отлично понял, что болезнь владыки была для всей страны и народа большим несчастьем, а исцеление его, напротив, было бы огромным счастьем, – об этом толковал весь народ, все – и бедные и богатые. «Но где же растёт целебный цветок?» – спрашивали все друг у друга, рылись в учёных рукописях, старались прочесть о том по звёздам, спрашивали у всех четырёх ветров – словом, добивались нужных сведений всевозможными путями, но всё напрасно. Тут-то учёные мудрецы, как сказано, и изрекли: «Любовь – родоначальница жизни; она же возродит к жизни и владыку!» В этом был глубокий смысл, и хоть сами они его до конца не понимали, но всё-таки повторили его ещё раз и даже написали вместо рецепта: «Любовь – родоначальница жизни!» Но как же приготовить по этому рецепту лекарство? Да, вот тут-то все и стали в тупик. В конце концов все единогласно решили, что помощи должно ожидать от молодой принцессы, так горячо, так искренно любившей отца. Затем додумались и до того, как следовало поступить принцессе.

И вот ровно год тому назад, ночью, когда серп новорождённой луны уже скрылся, принцесса отправилась в пустыню к мраморному сфинксу, отгребла песок от двери, что находилась в цоколе, и прошла по длинному коридору внутрь одной из больших пирамид, где покоилась мумия древнего фараона, – принцесса должна была склониться головой на грудь умершего и ждать откровения.

Она исполнила всё в точности, и ей было открыто во сне, что она должна лететь на север, в Данию, к глубокому болоту – место было обозначено точно – и сорвать там лотос, который коснётся её груди, когда она нырнёт в глубину. Цветок этот вернёт жизнь её отцу. Вот почему принцесса и полетела в лебедином оперении на Дикое болото.

Всё это аист с аистихой давно знали, а теперь знаем и мы получше, чем раньше. Знаем мы также, что болотный царь увлёк бедную принцессу на дно трясины и что дома её уже считали погибшею навеки. Но мудрейший из мудрецов сказал то же, что и аистиха: «Она выпутается из беды!» Ну и решили ждать, – иного ведь ничего и не оставалось.

– Право, я стащу лебединые оперения у этих мошенниц, – сказал аист. – Тогда небось не прилетят больше на болото да не выкинут ещё какой-нибудь штуки! Перья же их я припрячу там на всякий случай!

– Где это там? – спросила аистиха.

– В нашем гнезде, близ болота! – ответил аист. – Наши птенцы могут помочь мне перенести их; если же чересчур тяжело, то ведь по дороге найдутся места, где их можно припрятать до следующего перелёта в Данию. Принцессе хватило бы и одного оперения, но два всё-таки лучше: на севере не худо иметь в запасе лишнюю одежду.

– Тебе и спасибо-то за всё это не скажут! – заметила аистиха. – Но ты ведь глава семьи! Я имею голос, лишь когда сижу на яйцах!

Девочка, которую приютили в замке викинга близ Дикого болота, куда каждую весну прилетали аисты, получила имя Хельги, но это имя было слишком нежным для неё. В прекрасном теле обитала жестокая душа. Месяцы шли за месяцами, годы за годами, аисты ежегодно совершали те же перелёты: осенью к берегам Нила, весной к Дикому болоту, а девочка всё подрастала; не успели опомниться, как она стала шестнадцатилетнею красавицей. Прекрасна была оболочка, но жёстко само ядро. Хельга поражала своею дикостью и необузданностью даже в те суровые, мрачные времена. Она тешилась, купая руки в тёплой, дымящейся крови только что зарезанной жертвенной лошади, перекусывала в порыве дикого нетерпения горло чёрному петуху, приготовленному в жертву богам, а своему приёмному отцу сказала однажды совершенно серьёзно:

– Приди ночью твой враг, поднимись по верёвке на крышу твоего дома, сними самую крышу над твоим покоем, я бы не разбудила тебя, если бы даже могла! Я бы не слышала ничего – так звенит ещё в моих ушах пощёчина, которую ты дал мне много лет тому назад! Я не забыла её!

Но викинг не поверил, что она говорит серьёзно; он, как и все, был очарован её красотой и не знал ничего о двойственности её души и внешней оболочки. Без седла скакала Хельга, словно приросшая, на диком коне, мчавшемся во весь опор, и не соскакивала на землю, даже если конь начинал грызться с дикими лошадьми. Не раздеваясь, бросалась она с обрыва в быстрый фиорд и плыла навстречу ладье викинга, направлявшейся к берегу.

Из своих густых, чудных волос она вырезала самую длинную прядь и сплела из неё тетиву для лука.

– Всё надо делать самой! Лучше выйдет! – говорила она.

Годы и привычка закалили душу и волю жены викинга, и всё же в сравнении с дочерью она была просто робкою, слабою женщиной. Но она-то знала, что виной всему были злые чары, тяготевшие над ужасною девушкой. Хельга часто доставляла себе злое удовольствие помучить мать: увидав, что та вышла на крыльцо или на двор, она садилась на самый край колодца и сидела там, болтая руками и ногами, потом вдруг бросалась в узкую, глубокую яму, ныряла с головой, опять выплывала, и опять ныряла, точно лягушка, затем с ловкостью кошки выкарабкивалась наверх и являлась в главный покой замка вся мокрая; потоки воды бежали с её волос и платья на пол, смывая и унося устилавшие его зелёные листья.

Одно только немного сдерживало Хельгу – наступление сумерек. Под вечер она утихала, словно задумывалась, и даже слушалась матери, к которой влекло её какое-то инстинктивное чувство. Солнце заходило, и превращение совершалось: Хельга становилась тихою, грустною жабою и, съёжившись, сидела в уголке. Тело её было куда больше, чем у обыкновенной жабы, и тем ужаснее на вид. Она напоминала уродливого тролля с головой жабы и плавательною перепонкой между пальцами. В глазах светилась кроткая грусть, из груди вылетали жалобные звуки, похожие на всхлипывание ребёнка во сне. В это время жена викинга могла брать её к себе на колени и невольно забывала всё её уродство, глядя в эти печальные глаза.

– Право, я готова желать, чтобы ты всегда оставалась моею немой дочкой-жабой! – нередко говорила она. – Ты куда страшнее, когда красота возвращается к тебе, а душа мрачнеет!

И она чертила руны, разрушающие чары и исцеляющие недуги, и перебрасывала их через голову несчастной, но толку не было.

– Кто бы поверил, что она умещалась когда-то в чашечке кувшинки! – сказал аист. – Теперь она совсем взрослая, и лицом – вылитая мать, египетская принцесса. А ты мы так и не видали больше! Не удалось ей, видно, выпутаться из беды, как вы с мудрецом предсказывали. Я из года в год то и дело летаю над болотом вдоль и поперёк, но она до сих пор не подала ни малейшего признака жизни! Да уж поверь мне! Все эти годы я ведь прилетал сюда раньше тебя, чтобы починить наше гнездо, поправить кое-что, и целые ночи напролёт – словно я филин или

летучая мышь – летал над болотом, да всё без толку! И два лебединых оперения, что мы с таким трудом в три перелёта перетасили сюда, негодились! Вот уж сколько лет они лежат без пользы в нашем гнезде. Случись пожар, загорись этот бревенчатый дом – от них не останется и следа!

– И от гнезда нашего тоже! – сказала аистиха. – Но о нём ты думаешь меньше, чем об этих перьях да о болотной принцессе! Отправлялся бы уж и сам к ней в трясины. Дурной ты отец семейства! Я говорила это ещё в ту пору, когда в первый раз сидела на яйцах! Вот подожди, эта шальная девчонка ещё угодит в кого-нибудь из нас стрелою! Она ведь сама не знает, что делает! А мы-то здесь подольше живём, – хоть бы об этом вспомнила! И повинности наши мы уплачиваем честно: перо, яйцо и одного птенца в год, как положено! Думаешь, мне придёт теперь в голову слететь вниз, во двор, как бывало в старые годы или как и нынче в Египте, где я держусь на дружеской ноге со всеми – нисколько не забываясь, впрочем, – и сую нос во все горшки и котлы? Нет, здесь я сижу в гнезде да злюсь на эту девчонку! И на тебя тоже! Оставил бы её в кувшинке, пусть бы себе погибла!

– Ты гораздо добрее в душе, чем на словах! – сказал аист. – Я тебя знаю лучше, чем ты сама!

И он подпрыгнул, тяжело взмахнул два раза крыльями, вытянул ноги назад, распустил оба крыла, точно паруса, и полетел так, набирая высоту; потом опять сильно взмахнул крыльями и опять поплыл по воздуху. Солнце играло на белых перьях, шея и голова вытянулись вперёд... Вот это был полёт!

– Он и до сих пор красивее всех! – сказала аистиха. – Но ему-то я не скажу этого!

В эту осень викинг вернулся домой рано. Много добычи и пленных привёз он с собой. В числе пленных был молодой христианский священник, один из тех, что отвергали богов древнего Севера. В последнее время в замке викинга – и в главном покое, и на женской половине – то и дело слышались разговоры о новой вере, которая распространилась по всем странам Юга и, благодаря святому Ансгарию, проникла даже сюда, на Север. Даже Хельга уже слышала о Боге, пожертвовавшем Собою из любви к людям и ради их спасения. Она все эти рассказы, как говорится, в одно ухо впускала, а в другое выпускала. Слово «любовь» находило доступ в её душу лишь в те минуты, когда она в образе жабы сидела, съёжившись, в запертой комнате. Но жена викинга чутко прислушивалась к рассказам и преданиям, ходившим о Сыне единого истинного Бога, и они будили в ней новые чувства.

Воины, вернувшись домой, рассказывали о великолепных храмах, высеченных из драгоценного камня и воздвигнутых в честь Того, Чьим заветом была любовь. Они привезли с собой и два тяжёлых золотых сосуда искусной работы, из которых исходил какой-то удивительный аромат.

Это были две кадила, которыми кадили христианские священники перед алтарями, никогда не окропавшимися кровью. На этих алтарях вино и хлеб превращались в Кровь и Тело Христовы, принесённые Им в жертву ради спасения всех людей – даже не родившихся ещё поколений.

Молодого священника связали по рукам и ногам верёвками из лыка и посадили в глубокий, сложенный из камней подвал замка. Как он был прекрасен! «Словно сам Бальдур!» – сказала жена викинга, тронутая бедственным положением пленника, а Хельге хотелось, чтобы ему продёрнули под коленками толстые верёвки и привязали к хвостам диких быков.

– Я бы выпустила на них собак: то-то бы травля пошла! По лесам, по болотам, прямо в степь! Любо! А ещё лучше – самой нестись за ними по пятам!

Но викинг готовил пленнику иную смерть: христианин, как отрицатель и поноситель могучих богов, был обречён в жертву этим самым богам. На жертвенном камне, в священной роще, впервые должна была пролиться человеческая кровь.

Хельга выпросила позволения обрызгать кровью жертвы изображения богов и народ, отточила свой нож и потом с размаху всадила его в бок пробежавшей мимо огромной свирепой дворовой собаке.

– Для пробы! – сказала она, а жена викинга сокрушённо поглядела на дикую, злую девушку.

Ночью, когда красота и безобразие Хельги, по обыкновению, поменялись местами, мать обратилась к ней со словами горячей укоризны, которые сами собою вырвались из наболевшей души.

Безобразная, похожая на тролля жаба устремила на неё свои печальные карие глаза и, казалось, понимала каждое слово, как разумный человек.

– Никогда и никому, даже супругу моему, не проговорила я о том, что терплю из-за тебя! – говорила жена викинга. – И сама не думала я, что так жалею тебя! Велика, видно, любовь материнская, но твоя душа не знает любви! Сердце твоё похоже на холодную тину, из которой ты явилась в мой дом!

Безобразное создание задрожало, как будто эти слова затронули какие-то невидимые нити, соединявшие тело с душой; на глазах жабы выступили крупные слёзы.

– Настанет время и твоего испытания! – продолжала жена викинга. – Но много горя придётся тогда изведать и мне!.. Ах, лучше бы выбросили мы тебя на проезжую дорогу, когда ты была ещё крошкой; пусть бы ночной холод усыпил тебя навеки!

Тут жена викинга горько заплакала и ушла, полная гнева и печали, за занавеску из звериной шкуры, подвешенную к балке и заменявшую перегородку.

Жаба, съевшись, сидела в углу одна; мёртвая тишина прерывалась лишь её тяжёлыми, подавленными вздохами; казалось, в глубине сердца жабы с болью зарождалась новая жизнь. Вдруг она сделала шаг к дверям, прислушалась, потом двинулась дальше, схватилась своими беспомощными лапами за тяжёлый дверной болт и тихонько выдвинула его из скобы. В горнице стоял зажжённый ночник; жаба взяла его и вышла за двери; казалось, чья-то могучая воля придавала ей силы. Вот она вынула железный болт из скобы, прокралась к спавшему пленнику и дотронулась до него своею холодною, липкою лапой. Пленник проснулся, увидел безобразное животное и задрожал, словно перед наваждением злого духа. Но жаба перерезала ножом связывавшие его верёвки и сделала ему знак следовать за нею.

Пленник сотворил молитву и крестное знамение – наваждение не исчезало; тогда он произнёс:

– Блажен, кто разумно относится к малым сим, – Господь спасёт его в день несчастья!.. Но кто ты? Как может скрываться под оболочкой животного сердце, полное милосердного сострадания?

Жаба опять кивнула головой, провела пленника по уединённому проходу между спускавшимся с потолка до полу коврами в конюшню и указала на одну из лошадей. Пленник вскочил на лошадь, но вслед за ним вскочила и жаба и примостилась впереди него, уцепившись за гриву лошади. Пленник понял её намерение и пустил лошадь вскачь по окольной дороге, которую никогда бы не нашёл один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.